

Совместная российско-японская декларация (1956 г.) также не привела к единому решению, главным образом из-за вмешательства в переговоры представителей США. 19 августа 1956 г. министр иностранных дел Мамору Сигэмицу отчитался перед главой ЦРУ А. Даллесом о советско-японских переговорах. Сюнъити Мацумото описывает реакцию Даллеса следующим образом: «он несколько побледнел <...> Даллес сказал жестокую вещь. Если Япония передаст Советскому Союзу Кунашир и Итуруп, то Окинава станет американской территорией» (Мацумото С. «Секретные архивы восстановления советско-японских отношений»).

На переговорах, начавшихся в июне 1955 г., советская сторона предложила решение вопроса путем передачи о-вов Шикотан и Хабомаи. Министр иностранных дел М. Сигэмицу склонялся в сторону принятия этих условий, но как раз летом 1956 г. ему пригрозили США. Заслуженный профессор Университета Хоккайдо Хироси Кимура отмечает: «В период Холодной войны США не хотели, чтобы Япония сближалась с СССР, они стремились к тотальной зависимости Японии от американской армии. С этой точки зрения нерешенная проблема Северных территорий, которая оставалась как кость в горле в отношениях между СССР и Японией и продолжает существовать и поныне, полностью соответствовала интересам США» (3).

В январе 1960 г. заключается пересмотренный Договор о безопасности между США и Японией, что не нравится Советскому Союзу, и он в меморандуме ставит новое условие для передачи двух о-вов Шикотан и Хабомаи: вывод американских войск.

Осуществляется возвращение советских военнопленных и передача Окинавы. Набирает силу и движение по возврату Северных территорий. В январе 1981 г. кабинет министров устанавливает День Северных территорий (7 февраля). При этом Советский Союз настаивает на отсутствии территориальной проблемы.

При переходе власти к Горбачеву и перестройке в 1985 г. общий настрой меняется. В декабре 1989 г. звучит заявление об окончании Холодной войны. В 1990 г. появляется президент СССР, а в совместной советско-японской декларации, подписанной во время первого визита в Японию в апреле 1991 г., впервые официально зафиксировано название четырех островов как Северных территорий. Однако, несмотря на изрядное потепление в отношениях, проблема так и не была разрешена.

В 2003 г. премьер-министр Коидзуми едет с визитом в Россию. Он согласовывает с президентом Путиным российско-японский план действий, который ставит перед собой цели широкого сотрудничества в экономической и других сферах, однако в вопросе территорий не было достигнуто никакого значительного продвижения. Путин ужесточает свою позицию, заявляя в телепередаче в 2005 г.: «Четыре острова принадлежат России. Это утверждено международным законодательством и является итогом Второй мировой войны» (4).

В феврале 2009 г. возглавивший японское правительство премьер С. Асо встретился на Сахалине с президентом Медведевым. Оба лидера сошлись в необходимости «нового оригинального подхода» в решении территориальной проблемы. Было согласовано и следующее утверждение: «наше поколение должно решить этот вопрос, необходимо ускорить конкретные работы». В апреле газета Майнити опубликовала слова представителя правительства Сэтаро Яти: «Лично я думаю, что достаточно возврата 3,5 острова (а не четырех)». Яти отрицал содержание этого заявления, но, по слухам, это просочились реальные намерения премьера Асо.

Все решили, что после этого переговоры сдвинутся с мертвой точки, но вслед за тем шанс был упущен. В мае премьер Асо на выступлении в парламенте заявил: «Россия продолжает незаконную оккупацию четырех островов», на что была немедленная реакция с российской стороны. Президент Медведев выступил с критикой: «попытка Японии поставить под вопрос российский суверенитет (над четырьмя островами) не поможет продолжению переговоров».

Визит президента Медведева на Кунашир в ноябре 2010 г. стал катализатором ухудшения отношений между странами. Шок от того, что впервые в истории России, включая и советские времена, верховный руководитель страны посетил Северные территории, был огромен. Премьер-министр Н. Кан выразил свое глубочайшее сожаление по этому поводу на заседании парламента: «четыре острова являются территорией нашей страны». Министр иностранных дел С. Мэхара вызвал российского посла в Японии и выразил протест: «Это расхочется с принципиальной позицией Японии, наши национальные чувства уязвлены».

Однако в 2012 г. с возвращением Путина на пост Президента Российской Федерации в территориальном вопросе снова появился свет в конце тоннеля. Перед президентскими выборами в марте на пресс-конференции Путин заявил, что желает поставить точку в территориальном вопросе с Японией. Он сказал, что мы не должны обязательно победить, «необходимы приемлемые компромиссы. Что-то вроде “хикивакэ” (ничьей)».

В декабре к власти в Японии вновь приходит С. Абэ. В феврале 2013 г. бывший премьер-министр Ё. Мори направляется с визитом в качестве особого посланника премьера Абэ в Москву и встречается с Путиным. Перед поездкой он обмолвился о возврате трех островов: Кунашира, Шикотана и Хабомаи, на что Путин сказал, что «хикивакэ» означает решение, в котором нет победителей и проигравших, и которое могут принять обе стороны.

Проблема Северных территорий возникла в ходе поражения Японии в августе-сентябре 1945 г. и является предметом страдания народа, или иначе несправедливости (5).

Официальная позиция Японии в отношении спорных островов не претерпела существенных изменений. Японское правительство по-прежнему настаивает на передаче островов Японии. Однако в марте 2012 г., после визита в Японию министра иностранных дел Сергея Лаврова, правительство Японии отказалось от термина «незаконная оккупация», который в последнее время часто использовался в отношении южной части Курильских островов, входящих в состав России.

Об этом стало известно после депутатского запроса члена оппозиционной Либерально-демократической партии. В утвержденном на заседании кабинета министров официальном ответе было указано, что острова «заняты Россией в форме, которая не имеет юридических оснований». По сути, это не меняет позиции Токио в отношении так называемых «северных территорий», однако теперь формулировка выбрана более мягкая (6).

Возможно, в связи с последними событиями в мире решение территориального вопроса вновь затянется, однако потепление в отношении наших стран дает надежду на мирное разрешение конфликта, устраивающее все стороны.

1. Япония недовольна поездкой Патрушева на Курильские острова // РИА Новости: ежед. интернет-изд. 12.09.2011 URL : [Электронный ресурс] : <http://ria.ru/politics/20110912/435573087.html#ixzz3VklbIHVs> (Дата обращения 15.03.2015).

2. РФ не рассматривает ситуацию с Японией в вопросе о границах как некий территориальный спор // ИТАР ТАСС: ежед. интернет-изд. 18.02.2014 [Электронный ресурс]: URL : <http://tass.ru/politika/977894> (Дата обращения 16.03.2015).

3. История территориального спора («Asahi Shimbun», Япония) // inoСМИ.ру: ежед. интернет-изд. 29.04.2013, [Электронный ресурс] URL: <http://inosmi.ru/world/20130429/208554191.html> (Дата обращения 20.03.2015).

4. День северного конфликта // ГАЗЕТА: ежед. интернет-изд. 07.02.2008, [Электронный ресурс] : URL: <http://web.archive.org/web/20080210183238/http://www.gzt.ru/politics/2008/02/07/220201.html> (Дата обращения 25.03.2015).

5. История территориального спора («Asahi Shimbun», Япония) // inoСМИ.ру: ежед. интернет-изд. 29.04.2013, [Электронный ресурс] : URL: <http://inosmi.ru/world/20130429/208554191.html> (Дата обращения 20.03.2015)

6. Япония после визита Лаврова передумала: Россия уже не «оккупирует» Южные Курилы // NEWSRU.COM: ежед. интернет-изд. 2012, 3 марта [Электронный ресурс] : URL: <http://newsru.com/world/02mar2012/japan.html> (дата обращения 20.03.2015).

С. В. Гаврилов КОММУНИСТ, ПОЛИТБОЕЦ, ВОИН (С. К. ЮДИН)

*Тихое утро. Солнце сияет.
На пляж Халактырский волна набегает.
Мы роём окопы, не чувствуя рук.
На бруствер взойёл молодой политрук.
Бойцы распрямились, отдав ему честь.
Он приказал отдохнуть и присесть.
Чайки летели, крича и кружась,
Беседа у нас задушевно велась.
Он разъяснил обстановку в стране —
Идущей жестокой, кровавой войне,
Что Волга — последняя немцам преграда.*

*Могилы им будет у стен Сталинграда...
Потом пошутил, анекдот рассказал,
Ответил тому, кто вопросы задал.
Простой и короткой беседа была,
Но дух боевой у солдат подняла...*

Н. Т. Попов, 1969 г.

Этот заголовок взят из готовящейся Камчатским краевым объединённым музеем к публикации третьей книги серии «Из фондов музея» с рабочим названием «На крайних восточных рубежах». Под ним в неё включён материал, посвящённый участнику Курильской десантной операции майору А. С. Рожкову, пропагандисту политотдела 101-й горно-стрелковой дивизии. Но мы решили «распространить» его и на героя этого очерка, автора вышеупомянутой книги. И вот почему.

В 1999 г. фонды музея, тогда называвшегося Камчатским областным краеведческим, пополнила коллекция документов и материалов, присланных с Украины, из Львова, жившим там майором Советской армии в отставке, бывшим политработником Сергеем Константиновичем Юдиным. На их основе был сформирован его личный фонд, включающий 117 единиц хранения.

Фонд содержит биографические материалы и уникальные документы конца 1930-х – середины 1940-х гг., в том числе повестку о призыве в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию, выписанную в октябре 1938 г., мандаты участника партийных конференций 101-й горно-стрелковой дивизии, развёрнутой на Камчатке в предвоенные годы, грамоту и благодарность Верховного Главнокомандующего за участие в освобождении островов Курильской гряды Симусю (Шумшу) и Парамушир, удостоверение к медали «За победу над Японией». Но большую часть фонда составляют материалы мемуарного и литературного характера. Здесь воспоминания о службе на Камчатке и Курилах в 1938–1946 гг., биографические очерки о фондообразователе, некоторых его сослуживцах и командирах, о Курильской десантной операции августа 1945 г. и её участниках, уникальные сведения о жизни в первые послевоенные годы на освобождённых Курильских островах, очерки по истории отдельных воинских частей.

Фрагменты этих материалов в сокращённом виде были напечатаны в 1980-е гг. в газетах «Курильский рыбак», «Советский Сахалин» и «Камчатская правда», но большая часть их никогда не публиковалась. Особый интерес для исследователей может представить переписка С. К. Юдина с участниками Курильского десанта, в частности, с жившим в Казани командиром 373-го стрелкового полка В. Г. Губайдуллиным, приведённая в приложении к книге. Интересны также стихи Н. Т. Попова, посвящённые С. К. Юдину, с автографами участников десанта Героев Советского Союза П. И. Шутова и В. А. Кота, составленная Н. Т. Поповым схема японских укреплений на о. Шумшу и его же воспоминания «Форпост на Лопатке» о службе на крайней оконечности п-ва Камчатка, дополненные и прокомментированные фондообразователем.

Отдельную часть фонда составляют чёрно-белые фотоизображения конца 1930-х – первой половины 1940-х гг., освещающие некоторые эпизоды армейской жизни на Камчатке, и небольшая галерея портретов командиров и красноармейцев, сослуживцев С. К. Юдина, в том числе и участников Курильского десанта, снятых в различное время. Представлены и фотографии самого Сергея Константиновича периода 1939–1987 гг. К большинству документов и фотографий он составил аннотации с краткой информацией об упомянутых людях и отражённых событиях.

Познакомимся с фондообразователем поближе. Мы располагаем двумя его рукописными автобиографиями, в которых указаны разные даты рождения: 3 января (биография от 6 декабря 1999 г.) (1) и 14 января (от 25 сентября 1991 г.) (2) 1917 г. В одном из последних писем в музей он назвал датой своего рождения всё-таки 3 января.

С. К. Юдин родился в с. Караси Челябинского уезда (по другой версии – Верхне-Уральского района) в бедной многодетной семье, где кроме него имелись ещё четыре старших сестры и брат. Жили тяжело, отец рано умер. Когда пришла пора, старшие дети «пошли в люди, кто куда, и все выжили». Сергей окончил четыре класса начальной школы и в 1932 г. в сопровождении одной из сестёр в потёртом зипунчике, с котомкой за плечами, в которой были лишь булка да пять яиц, отправился в г. Барабинск. Здесь, в школе фабрично-заводского ученичества (ФЗУ), можно было приобрести очень востребованную и уважаемую в то время, к тому же одну из самых пролетарских, профессию слесаря по ремонту паровозов, или, как тогда говорили, слесаря-паровозника. Ученик ФЗУ – «фабзаяц» – приравнялся по нормам снабжения к кадровым промышленным рабочим, а это значило, что он мог ежедневно получать по карточке целых восемьсот граммов хлеба – настоящее богатство для полуголодного подростка!

Окончил ФЗУ в 1934 г., вначале стал слесарем-паровозником, но в этом же году перешёл на вагонный участок одной из станций Омской железной дороги, где трудился до 1938 г. слесарем, осматривателем вагонов, мастером, приёмщиком. Здесь приохотился к общественной работе, в 1937 г. вступил в комсомол, был избран комсоргом, затем – членом бюро комитета комсомола райкома. Занимался самообразованием: в этом же 1937 г. окончил семь классов вечерней школы.

В октябре 1938 г. призван на срочную службу в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию, попал на Камчатку в формирующиеся части главной воинской силы на полуострове – 101-й горно-стрелковой дивизии. Вначале был рядовым красноармейцем-артиллеристом, затем, с учётом опыта предыдущей комсомольской работы, назначен помощником политрука, то есть вошёл в младший политический командный состав, позже был избран комсоргом 279-го артиллерийского полка. В 1940 г. вступил во Всесоюзную коммунистическую партию (большевиков). В январе 1941 г. стал комсоргом 428-го гаубичного артиллерийского полка резерва Главного командования, а с июня 1942 г. – политруком пулемётной роты 138-го стрелкового полка. В 1943 г., уже в звании лейтенанта, становится партгором 726-го отдельного зенитного дивизиона, а в октябре 1944 г. назначается на ответственную и хлопотную должность инструктора политотдела дивизии, становится специалистом по кадровой работе.

После Курильской десантной операции августа 1945 г. здоровье Сергея Константиновича пошатнулось – начали мучить приступы, как он говорил, «злой гипертонии», очевидно, последствия перенесённых в нелёгкие военные годы трудов и лишений. Последовало увольнение из армейских рядов. С ноября 1947 г. С. К. Юдин трудился начальником отдела кадров Полтавской областной конторы Госбанка. Здесь, на благодатной украинской земле, его здоровье поправилось, и в феврале 1950 г. он был вторично призван на службу, на сей раз в железнодорожные войска. Вот тут-то и пригодились рабочие навыки железнодорожника, полученные полтора десятка лет тому назад в Барабинской школе ФЗУ. На новом месте службы был секретарём партийной организации учебного полка, инструктором политотдела. С октября 1955 г. становится заместителем командира по политической части 11-го отдельного железнодорожного батальона. Работы здесь было много, и ответственной: часть восстанавливала железнодорожный переход через Карпаты, который до основания разрушили отступавшие фашисты. Затем прокладывали рельсовые пути в Чехословакию, Румынию, Болгарию. Позднее строили подъездные пути от Львовско-Волынского угольного бассейна и транспортный переход в Польшу. Пришлось поучаствовать в трагических событиях 1956 г. в Венгрии.

Вновь дала о себе знать гипертония. Она и стала причиной окончательного увольнения из армии. С июня 1962 по 1980 г. С. К. Юдин трудился как вольнонаёмный в одной из войсковых частей в г. Львове (на военном заводе), где занимался ремонтом радиолокационных станций. Был техником, мастером, инженером, заместителем начальника отдела.

Учился большую часть жизни: ещё в 1953 г. экстерном сдал экзамены за курс средней школы, в 1955 г., также экстерном, окончил военно-пехотное училище в Киеве, в 1970 г. – заочно Высшую партийную школу при ЦК КПСС, куда был рекомендован Львовским обкомом КПСС. Избирался депутатом местных Советов, членом райисполкома и райкома КПСС, многократно делегировался на партийные и профсоюзные конференции.

За годы воинской службы награждён двумя орденами – Красной Звезды (за Курильский десант), позже – Отечественной войны 2-й степени и двенадцатью медалями, в том числе двумя «За боевые заслуги».

На заслуженный отдых вышел в марте 1978 г. (по другим данным – в 1980 г.). Жил в Львове, имел двух сыновей и четверых внуков. Находясь на пенсии, как он указывает, «писал воспоминания, публикации о Курильском десанте в разные газеты». Вот на этом его занятии, ставшем смыслом последних лет жизни, мы остановимся поподробнее. Сейчас, изучив собранные им материалы, мы можем смело сказать, что этот человек совершил в жизни два подвига: первый – воинский в ходе Курильской десантной операции, а второй – гражданский, кропотливо собрав и обработав большое количество документов, писем, воспоминаний, касающихся малоизвестной довоенной и военной истории Камчатки.

В письме директору музея, к сожалению, не имеющем точной даты, но написанном, по всей видимости, в самом начале 1999 г. (3), он сообщал: «После ухода на пенсию я решил написать всё, живо сохранившееся в памяти, о Камчатке и воинской службе в 1938–1945 гг. Материал оказался громадным, и об издании не могло быть и речи. Кроме того, обстановка изменилась. Много в материале биографического, но фактов жизни и деятельности частей, в которых я служил, уйма. Даже не знаю, как Вам удастся это использовать (в ходе подготовки книги его воспоминаний к печати

использованы почти все, за малым исключением, материалы автора, кроме повторов. – С. Г.). Я же работать над этим не могу – здоровье шалит (в это время ему исполнилось уже семьдесят два года. – С. Г.).

Часть материалов в копиях. Кое-что передал Акшинскому (В. С. Акшинский – автор известной книги «Курильский десант», вышедшей в 1984 и 1995 г. В её втором издании С. К. Юдину посвящено несколько абзацев на с. 36, 127–128. – С. Г.), кое-что взял музей в Киеве, много я передал в Ленинград, там бывший в десанте командир дивизиона подлодок Гаркуша собирался что-то написать (караван с десантом на переходе из Петропавловска к о. Шумшу охранял дивизион подводных лодок. – С. Г.). Старался помочь Вам и сделал везде надписи. Высылаю наиболее интересные письма Шутова, Губайдуллина и других боевых друзей. Могу добавить, что из политотдела 101-й стрелковой дивизии в живых остался я один. Недавно ушли Кремянский, Тарасов и Кот...

P.S. Думаю, немало получу шишек за свой почерк...» (С расшифровкой рукописных текстов действительно пришлось повозиться, но дело того стоило.)

А вот ещё одно письмо от 20 октября 1999 г., в котором Сергей Константинович сообщил, что готов отправить собранные и аннотированные материалы в музей (3): «Прошло десять месяцев, как возникла реальная возможность учесть Ваше пожелание и выслать материалы, касающиеся Курильского десанта... Вы изъявили желание сделать попытку издать что-либо из моих воспоминаний (предложение об этом содержится в письме директора тогда Камчатского областного краеведческого музея от 26 января 1999 г. – С. Г.). Я высылаю довольно объёмистые воспоминания, охватывающие период службы в Камчатке. Рассказ “Фабзайцы” – это период до призыва; “Комиссар Новак” – это период службы в 279-м арполку, жизнь полка; “На боевых позициях” — 428-й гаубичный артиллерийский полк; “Царица полей” – это 138-й стрелковый полк; “Часовые неба” – это 726-й отдельный зенитный дивизион, и далее “Политотдельцы”, “Десант”, “На Курилах”. Это большой материал и интересный и для ветеранов, и для современников. Но его трудно освоить, кроме того – беда с почерком. Отпечатать его я не смог. Туго со средствами, да и обстановка стала резко меняться, а у меня всё с позиций партийных и комсомольских. Да и вокруг Курил возникла проблема (автор письма имеет в виду ходившие в то время в России в отдельных кругах суждения о чуть ли необходимости вернуть Курильские острова Японии. Можно представить себе, что чувствовали оставшиеся в живых ветераны боев за них, некогда полившие эту суровую землю своей кровью. – С. Г.).

Хочу обратить Ваше внимание на очерк “Форпост на Лопатке”. Он отпечатан, богат содержанием. Шла война. Люди на Камчатке переваливали грузы, ловили рыбу и крабов, и мало кто знал, что на мысе Лопатка, суровом и холодном, в исключительно трудных условиях стоял батальон, 1 200 человек, готовых дать отпор врагу. Все данные абсолютно достоверны и объективны. В этом огромная заслуга Попова Николая Тимофеевича, который с первого дня до конца войны был в батальоне командиром миномётного взвода. Грамотный, наблюдательный, честный, он сохранил в памяти все эпизоды. Жаль, его нет в живых. Умер 9 ноября 1985 г. здесь, во Львове.

Очерк “Форпост на Лопатке” – подлинное свидетельство того, что хлебнули воины в годы войны на Камчатке. Этот очерк с интересом прочтут и ветераны, и современники. Но если пойдёт в издание, Попову Н. Т. должна быть отмечена особая благодарность и соавторство...

У меня остаётся мало [документов], как память для детей и внуков: благодарность и грамота с Курил, письма из газет, есть из Камчатки.

Старею. Слежу внимательно за состоянием дел в Украине и милой сердцу России. Скорблю и переживаю за горе и беды народа, за судьбу Курильских островов, за трудности, выпавшие на вашу долю. Вот канун Великого Октября (революции 1917 г., выведшей нашу страну на путь социалистического развития. – С. Г.). Здесь об этом и не помянут или лягут...»

По последней фразе чувствуется, что бывшему советскому офицеру-политработнику на «самостийной» Украине, да ещё и Западной, морально жилось уже неуютно, да стало несладко и материально. Между прочим, с отправкой рукописей и материалов с Украины в Россию возникли сложности, правда, пока ещё не политические, а банальные денежные.

«Почти полгода, собрав материалы, обращался на почту. Ответ: посылкой и бандеролью наложенным платежом в Россию не принимаем, пришлите, после вам вышлют деньги. Сделали мне расчёт: вес бандероли 1 965 граммов, за пересылку 10,70 гривен, по курсу рубля на 6 октября 1999 г. – 60 руб. 63 коп. Писать – большая потеря времени». Далее: «Сегодня меня известили, что почта может принять к отправке в Ваш адрес наложенным платежом. Отправить бандероль ранее я был лишён возможности... Получил пенсию и решил отправить бандероль за свои. Думается, найдёте возможность компенсировать, но главное, чтоб был толк».

В письме от 23 октября 1999 г. (4) он вновь волнуется за судьбу рукописи покойного друга: «А вдруг Вам удастся протолкнуть издание “Форпост на Лопатке”? Время дорого...» Здесь же он просит сделать музейную опись полученного и отправить её ему. «Хоть детям покажу, что делал нужное дело. Нашёл своё фото 1945 г. – года десанта, может, куда подойдёт?» (Эта фотография с учётным номером КОКМ ОФ 33369/17 будет приведена на первом фоторазвороте будущей книги.)

А немного о том, как составлялись воспоминания и очерки, составившие книгу «На крайних восточных рубежах». Внимательный читатель найдёт в них эпизоды, сообщённые С. К. Юдину его многочисленными корреспондентами в письмах. Пожалуй, одним из наиболее показательных в этом плане является письмо, адресованное им 26 ноября 1980 г. Герою Советского Союза П. И. Шутову (5):

«Если не затруднит, сообщи кратко данные: 1. Номер ДС (десантного судна. – С. Г.), на котором плыл передовой отряд. 2. Состав передового отряда. Откуда была рота автоматчиков? 3. На каком фланге отряда находились моряки Почтарёва (после высадки). 4. Хотя примерная последовательность высадки, 373 СП, 279 АП, 428 ГАП и т. д., хотя это Вам знать трудно...»

Напротив этих вопросов на специально оставленных местах приведены чёткие ответы Шутова:

«1. Передовой отряд разместили на четырёх ДС, номера не помню. 2. Две роты моряков, рота пограничников, рота автоматчиков 138 СП, рота ПТР 138 СП, миномётная рота, пулемётная рота 302 СП, сапёрная рота, взвод химиков. 3. Майор Почтарёв с одной ротой моряков на левом фланге. Остальные моряки и пограничники в центре. Рота автоматчиков – на правом фланге. 4. Передовой отряд, затем подразделения 138 СП, батальона т. Суханова, т. Мас... (неразборчиво. – С. Г.). 373 СП был во втором эшелоне...»

В одной из своих публикаций С. К. Юдин обратился к соратникам: «Дорогие друзья, дорогие однополчане! Родина никогда не забудет вашего подвига! Вы теперь далеко. Судьба разбросала вас по всему Советскому Союзу. Пишите. Пишите о тех, кто шёл рядом с вами в бой, и которых, обременённых оружием, захватила волна прибоев и накрыли тёмные воды океана. Пишите о тех, кто пал смертью героя от вражеской пули и накрыт землей Курильской. Добрые люди здесь, на Курилах, терпеливо ищут сведения обо всех, кто отличился в бою, кто погиб смертью храбрых. В Северо-Курильске организовался музей боевой славы. Пишите, боевые друзья!»

И они, а также их родные и близкие, писали. Интересные подробности об обстановке в Петропавловске в первые дни после завершения Курильской эпопеи, также использованные при подготовке авторских рукописей, находим в письме А. М. Рожковой, супруги майора А. С. Рожкова, пропагандиста политотдела 101-й стрелковой дивизии (6):

«...Всю войну он готовил кадры для фронта, а сам попал в такую кашу. Их, малоподготовленных к десантным операциям, отправили на Курильские острова, где они высаживались на берег. Встречу им японцы оказали достойную. Благодаря тому, что он прекрасно плавал, во всё снаряжении доплыл до берега. В их катер попала бомба, и его ударило в голову, видимо, не так сильно.

Прошло порядком времени, я он него ничего не получала, очень волновалась. Жили мы на Микояновской, 29, около АКО (сейчас это улица Ленинградская. – С. Г.). Однажды слышу шум на улице, взглянула в окно – машина за машиной, а на ступеньках каждой машины – медсестра. Я выбежала на улицу, спрашиваю, в чём дело? Везут раненых с Курильских островов. Я стояла у дороги и спрашивала каждую медсестру, нет ли в её машине политрука Рожкова, простояла десять часов, устала и пошла домой. Наутро я пошла в дивизию, а там был уже список убитых и раненых, и указано, в каких госпиталях. Вот тут-то я прочитала в одном списке: “Гетманов”, по-моему, убит. Я ещё раз проверила все списки, Рожкова не было. О Гетманове я больше ничего не знаю.

В тот день, 7 сентября, я только узнала, что Рожков жив и награждён орденом Отечественной войны 1-й степени. Как раз я была в роддоме в Петропавловске. Родилась у меня дочь Сима, назвали по созвучию с Симусю. Меня пришли поздравить врачи и сёстры. Это ваш муж? Да, это мой муж. Но я ничему не была так рада, как известно, что он жив!

Через некоторое время прилетел Акшинский и привёз мне письмо, вот тогда я была в восторге. Потом была встреча. Он был возбуждён, и первое, что он сказал: “Я рассчитался за отца, за его поражение, мы победили”.

Но восторг был недолгим, узнала, что когда Саша готовился к докладу о смерти Сергея Мироновича Кирова, произошло следующее: домик, где он готовился, был японский, окошки от пола на четыре метра в высоту, вдруг дом подожгли, а он заснул. Вспомнили о Саше, когда весь дом был в пламени, бойцы связали ремни, выбили стекло и, подвязав его на ремни, стали вытаскивать в окно.

Мужчина он был тяжёлый, дотащили до окна, он сорвался, упал об пол головой, тогда-то и был ушиблен в голову повторно, у него появилось тяжёлое заболевание – травматическая эпилепсия... не вышел из припадков и умер 25 декабря 1972 г.»

Давний друг Владимир Зоточкин, бывший секретарь комсомольского бюро 279-го артиллерийского полка, с которым автор познакомился ещё по пути на Камчатку в воинском эшелоне, тоже поделился своими воспоминаниями. Некоторые их эпизоды нашли отражение в очерке «Советские зори на Курилах»:

«...Я помню, как сейчас, нашу с тобой последнюю встречу после завершения боевой операции на острове Симусю. В одной из комнаток японского здания, приспособленного под политотдел 101-й горно-стрелковой дивизии, выпили мы с тобой по чарке за победу над самураями, закусили консервированным ананасом. Маленько помечтали...»

Помню твоё пожелание: после демобилизации поехать работать в Молдавию, туда, где особенно будут нужны молодые кадры! И в это время зашёл полковник Захаров и разогнал нашу компанию, потому что мой командир дивизиона Бочков в честь Победы стал (публично) на глазах подчинённых распивать спиртное.

Во Втором Курильском проливе наш дивизион погрузили на “торгаш” и отправили на остров Мацува (Магуа. – С. Г.). Но по дороге у острова Харимкотан наш пароход по вине вахтенного налетел носом на подводную каменную банку и завяз на ней мёртво. Пока вызвали эпроновцев (спасателей-судоподъёмщиков. – С. Г.), а нас перегрузили на другой пароход, прошло три дня, и на свой остров Мацува мы прибыли в порядке усиления 302-го СП тогда, когда отдельный королевский полк японцев уже сложил оружие.

На остров Симусю наш дивизион был своевременно высажен и приведён в боевую готовность, но открыть огонь по японцам ему не пришлось, и потерь мы имели. Таким образом, и за всё время ведения боевых действий нашему второму дивизиону не пришлось скрестить оружия с японскими самураями.

На острове Мацува развернул солдатскую художественную самодеятельность. Даже ставил и сам участвовал в таких постановках, как “На бойком месте” А. Островского, “Каменный гость” Пушкина и другие.

В 1946 г. съездил в отпуск на материк, женился. С молодой женой в течение двух месяцев добирался на товаропассажирском пароходе от Владивостока до своей части (два медовых месяца). Изъездили Курилы вдоль и поперёк. И вот в начале ноября 1946 г. на берегу Второго Курильского пролива побывали с женой в гостях в семье старшего лейтенанта Пикалова (начальника штаба 279-го арtpолка во время десантной операции), и ночью при погрузке с лайбы на пароход жена сорвалась со штурмтрапа в океан, а при спасении, увидев под ногами палубу парохода, отпустила спасательный круг и упала на бимсы (двухтавровые металлические балки), разбила ногу и лоб.

В начале 1947 г. по семейным обстоятельствам меня перевели в Западно-Сибирский военный округ...»

29 декабря 1985 г. В. Зоточкин, как сумел, ответил на конкретные вопросы друга, касающиеся бывших командиров, сыгравших значительную роль в их человеческом и воинском становлении, и рассказал о малоизвестном природном явлении – извержении вулкана на острове, на котором ему пришлось служить (7):

«...На твои вопросы могу сообщить только некоторые данные... 1) майор Анатолий Брюханов перед войной уехал на учёбу в академию. При обороне Москвы в 1941 г. его арtpолк первым в стране получил звание гвардейского, 2) в начале войны комиссар 279-го арtpолка Новак Степан Яковлевич был отозван в штаб Дальневосточного фронта, и где-то в 1942 г., по словам видевших его офицеров, он командовал арtpригадой.

Об извержении вулкана на острове Мацува. До ноября 1946 г. вулкан Сарычева (остров Мацува) вёл себя спокойно и даже совсем не курился. В начале ноября 1946 г. над кратером вулкана появился первый шлейф дыма. 11 ноября 1946 г. в 08.00 кратер вулкана мощно задымил, и вскоре началось извержение: громадное облако дыма, пепла и пара закрыло всю гористую часть острова и поднялось над вулканом на высоту до километра. Громада вулканической тучи прорезалась чирканьем раскалённых бомб, освещалась блеском молний и сотрясалась грозowymi разрядами. По юго-западному склону вулкана начала изливаться багровая лава и скатываться в море. От вулканических бомб на острове загорелась одна из казарм, но среди личного состава, к счастью, потерь не было. Командование дало сигнал “SOS!”, и 13 ноября 46 г. началась эвакуация личного состава и техники на подошедшие корабли, 302-й СП и наш дивизион эвакуировались в порт Корсаков на южный Саха-

лин. Извержение обошлось без землетрясения при стабильном направлении господствующего ветра с севера на юг. Этим и объясняется счастливый исход стихийного бедствия для жителей острова...»

С Украины, из города Шостки Сумской области в июле 1983 г. пришло письмо от ещё одного участника десанта Архипа Захаровича Гепалова. Сообщил он немного, свои ощущения о тех тяжёлых днях, подтвердил сведения о том, что много людей утонуло, так и не сумев вступить в бой на суше:

«...Лично я высаживался со своей миномётной ротой на втором катере, где была наша рота и третий стрелковый батальон. Но нам не пришлось высадиться на берег, так как японские доты с правой стороны и с левой прямой наводкой расстреляли наш катер, который не дошёл до берега метров 150–200, и нам, уцелевшим бойцам, пришлось прыгать за борт катера и плыть до берега. Много моих товарищей побило на катере, и многие не смогли доплыть до берега острова Шумшу.

Я до самого конца жизни не забуду этих дней, 17–18 августа 1945 г. Я только и вспоминаю. Бывает ли [кто] на братских могилах на этом, таком далёком, маленьком острове? Мне раньше писал корреспондент газеты “Курильский рыбак” т. Сергеев о том, что иногда бывает делегация на могилах наших боевых товарищей, навечно оставшихся на этом маленьком острове Шумшу. И ещё он мне сообщил о том, что на этом острове гражданского населения нет, кроме военных пограничников» (8).

О больших потерях свидетельствует и корреспондент, фамилию которого расшифровать нам не удалось, в сообщении от 17 декабря 1985 г. (9):

«Насчёт эпизодов героических при высадке на Шумшу. Мы, то есть 428-й ГАП, плыли на морском пароходе “Север” из состава первого дивизиона, командир дивизиона Кузнецов. Из взвода разведки и двух огневых взводов осталось восемь человек. Одна бомба, и все ко дну, а как и кто выплыл, всё из памяти уже выветрилось. Много героических примеров, но всё забыто. Только помню, где мы высаживались, начиная с августа и по ноябрь, вытаскивали трупы из прибывшей морской волны на затонувшем пароходе “Мариуполь”, где стояли японские батареи. Я там был».

Некоторые сведения об организации авиационной поддержки десанта содержатся в отрывке из воспоминаний Н. И. Осипова, бывшего лётчика, жившего в Казани, от 12 мая 1982 г. (10):

«18 августа 1945 г. тихо подошли, японцы спали, разбудили их внезапно, а ещё выстрелами береговой батареи с мыса Лопатка. А дальше, сами знаете, пошла высадка с боем основного десанта. Для авиации погода не благоприятствовала, да расстояние от наших аэродромов было велико. Если самолёты нашего полка (МБР-2, “Каталина”) могли летать, а вот для истребителей “Кобра” бензина не хватало, вот почему наш командир полка сам на самолёте “Каталина” был как “маяк” и наводил быстро по нашим данным самолёты на цель, то есть он висел над боем, над островами...»

Ярчайшим примером огромной значимости проведённой С. К. Юдиным работы является благодарность, полученная им от Александра Гетманова, сына героически погибшего при высадке на о. Шумшу капитана В. И. Гетманова. Вот выдержка из его послания из Киева от 13 августа 1982 г. (11):

«Сегодня получил письмо от тётки Ани. Она переслала мне газету и фотографию отца. Я очень внимательно прочитал Вашу статью и вообще всю газету. Я ведь, по существу, ничего не знал об отце. Может, мама что-то и рассказывала, но это было очень давно, и я, конечно, ничего не помню. Я даже и не подозревал, что отец был такой эрудит. А родом он, между прочим, из Воронежской области. Я очень горжусь своим отцом. Эту газету обязательно дам почитать Андрею, он должен знать, кто был его дед, гордиться им и быть достойным носить его фамилию. Очень Вам благодарен за эту статью». Это яркий пример восстановления разорванной, было, связи поколений, приобретающий особенную актуальность в наше беспамятное время.

Капитану Гетманову, долго жившему на Камчатке, и его подвигу в будущей книге посвящён отдельный очерк. Так получилось, что два его малолетних сына, рано потерявшие отца, вскоре остались и без матери, воспитывались в детдоме. И только войдя в зрелые годы они смогли узнать подробности короткой, но яркой жизни их отца и его смерти. Подвиг капитана Гетманова кратко описан и в работе В. С. Акшинского «Курильский десант» (12, с. 61), а произошло это тоже во многом стараниями С. К. Юдина. По этому поводу он отметил: «Данные о подвиге Гетманова для книги “Курильский десант” я дал полностью».

В 1980-х гг. С. К. Юдин активно начал публиковать собранные им материалы в виде статей и очерков в дальневосточных и центральных газетах. Значимость содержащихся в них новых сведений была отмечена не только читающей публикой, но и квалифицированными научными сотрудниками. Доцент кафедры истории СССР Южно-Сахалинского педагогического института А. Н. Рыжков прочитал в газете «Курильский рыбак» очерк «Советские зори на Курилах» и предложил опубликовать

его в сокращённом виде в предполагавшемся к публикации втором сборнике воспоминаний ветеранов Курильского десанта (письмо от 1 декабря 1982 г.) (13). Он мог вполне объективно оценить прочитанное: сам участвовал в освобождении от японцев Южного Сахалина.

За минувшие после войны годы на основе документов архива Министерства обороны СССР А. Н. Рожков подготовил ряд публикаций, в том числе вышедшую в 1980 г. в Южно-Сахалинске книгу «Бои за родные острова». Он был знаком с руководителями десантной операцией генералами Гнечко и Дьяковым, её деятельными участниками Шутовым и Губайдуллиным. Первый такой сборник «Летопись героических дней» вышел в Южно-Сахалинске под его научной редакцией ещё в 1969 г. Но вопрос об издании второй работы пока решён не был. А. Н. Рожков писал: «В сборнике воспоминаний не должно быть повторений. Каждый автор должен писать о том, что знает только он один... Отбор рукописей ещё не сделан... нет договорённости с издательством...»

О том, была ли завершена эта работа, сведений у нас нет.

Рукописи, присланные в музей С. К. Юдиным, обработаны с целью устранения разночтения одних и тех же понятий и явлений. Из них, по возможности, исключены повторы, в некоторых местах проведена литературная правка, даны необходимые пояснения. В ходе этой работы максимально сохранены стилистические особенности исходного текста. Для удобства прочтения все материалы разделены на пять частей и расположены преимущественно в хронологическом порядке. В качестве их названий приняты короткие фрагменты авторского текста. В отдельную, завершающую часть выделен очерк Н. Т. Попова «Форт на Лопатке». Вступление к книге скомпоновано из фрагментов рукописей, не вошедших в окончательные варианты статей, опубликованных в периодической печати.

А из книги читатели узнают много интересных и ранее неизвестных подробностей. Да хотя бы вот такой эпизод в порту Петропавловска, имевший место ночью с 16 на 17 августа 1945 г. в ходе погрузки пограничного корабля «Киров», на котором находился командир десанта генерал-майор П. И. Дьяков: «Самым последним грузился повар генерала Митрич, как его называли бойцы. Митрич – отменный мастер своего дела, не прочь был похвалиться тем, что некогда служил шефом в большом ресторане. Он прибежал с целым ворохом кастрюль и противней. Моряки улыбались, глядя на поварскую возню...»

1. КОКМ. ОФ. 33428.
2. ККМГИ. 29576.
3. КОКМ. ОФ. 33743/3.
4. Там же. ОФ. 33743/1.
5. Там же. ОФ. 33369/51.
6. Там же. ОФ. 33369/30.
7. Там же. ОФ. 33369/23.
8. Там же. ОФ. 33369/27.
9. Там же. ОФ. 33369/22.
10. Там же. ОФ. 33369/46.
11. Там же. ОФ. 33369/45.
12. *Акинский В. С.* Курильский десант. 2 изд. Петропавловск-Камчатский, 1995. 192 с.
13. КОКМ. ОФ. 33369/24.

Н. С. Гаврилова
БОЕВЫЕ И ТРУДОВЫЕ БУДНИ СВЯЗИСТА
ИВАНА СЕМЕНЧУКА

В фондах Камчатского краевого объединенного музея уже более тридцати лет комплектуется коллекция документов о боевых и трудовых подвигах камчатцев в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Свыше тысячи письменных свидетельств хранят истории людей, благодаря которым была одержана Великая Победа.

В 1982 г. коллекция пополнилась документами, переданными ветераном войны, активным участником советского Фонда мира Иваном Федоровичем Семенчуком (1919–2002): машинописной автобиографией объемом в двенадцать страниц и газетными статьями, посвященными его труду в мирное послевоенное время.

С фотографии одного из номеров газеты «Ленинский путь», издававшейся в Усть-Камчатском районе Камчатской области, посвященном тридцатилетию Великой Победы, смотрит воин Красной армии. Его проникновенный взгляд наполнен верой в то, что звериное полчище нацизма, стремившееся поработить просторы родной земли, встретит яростный отпор защитников Отечества... Это двадцатитрехлетний Иван Федорович Семенчук – участник одной из самых важных и страшных битв за Отечество – Сталинградской.

Иван Федорович попал на Сталинградский фронт в составе маршевого эшелона, сформированного во Владивостокском флотском экипаже. В августе 1942 г. три тысячи шестьсот военнослужащих Тихоокеанского флота отправились на борьбу с нацистскими захватчиками. Молодые моряки не знали, где будут воевать, но верили: везут на фронт, туда, где нужнее.

Сталинград... Добраться до места назначения смогли не все. Остановка на станции Баскунчак-3 оказалась для многих краснофлотцев последней: эшелон подвергся ударам вражеской авиации. Взрывом бомбы его разорвало надвое, моряки попали под огонь крупнокалиберных пулеметов. Налет немецкой авиации остановили три советских истребителя. До переправы в Сталинград добрались пешком и только ночью. Трудным был путь до Волги. Иван Семенчук, получивший во время вражеского налета травму бедра, шел с большим трудом. Ширина реки в месте переправы достигала двух километров. По переправе вели прицельный огонь немецкая артиллерия и минометы, наносила удары вражеская авиация. Достичь правого берега Волги моряки смогли лишь после нескольких попыток, под покровом тумана.

В обороне Сталинграда И. Ф. Семенчук участвовал в составе легендарной 62-й армии генерала В. И. Чуйкова в должности командира взвода связи батальона. Об одном из самых сложных боевых заданий, связанном с доставкой важных документов командиру полка, Иван Федорович вспоминал в статье «Овраги смерти». Его батальон располагался между глубокими и широкими оврагами, тщательно пристрелянными противником и простреливавшимися насквозь. Преодолеть их в дневное время не удавалось еще никому. Ивану предстояло совершить невозможное.

«Когда у себя в землянке я сказал своим товарищам и помощнику, куда иду, они, как по команде, встали и молча сняли шапки. О чем они подумали в тот миг, было понятно, – вспоминает Иван Федорович. – Я и сам знал, что проскочить днем два простреливаемых оврага, отделяющих наш батальон от штаба полка, и уцелеть почти невозможно. Но приказ есть приказ, его надо выполнять» (7).

Под защитой берегового кряжа он подошел к первому оврагу. Взору предстала ужасная картина... В овраге громоздятся горы трупов, убитые лошади, разбитые и опрокинутые повозки. Молодой командир взвода связи решил пересечь овраг у самой воды, по отливной полосе. «Стрелой выскочил из-за берегового кряжа, и тут же где-то вверху, слева от меня, послышалась пулеметная дробь. Запели пули, совсем рядом лопнула мина, осколки второй подняли фонтаны в реке. Бегу, пригнувшись так, что не вижу ничего, кроме мельканья своих носков да полоски мокрого песка под собой. Ноги наливаются свинцом, не хватает воздуха. Еще рывок, еще... Сил больше нет, падаю. Отдышавшись, тихонько шеvelю головой и осматриваюсь. До спасительного берега оврага осталось всего метра два. Подбираю под себя ноги и на четвереньках срываюсь с места. Считанные секунды, и я в безопасности» (там же). Вражеский огонь не задел героя – только фляга оказалась пробита осколком мины. Второй овраг удалось преодолеть таким же образом. Этот поступок способствовал подъему боевого духа товарищей, увидевших, что смерть отступает перед мужеством воинов.

И. Ф. Семенчук родился 24 сентября 1919 г. в с. Данильченково, расположенном в Ольгинской волости Приморской губернии, в семье крестьянина-батрака. После установления советской власти в Приморье семья получила собственный земельный надел. Детские годы Ивана прошли в маленьком домике, состоявшем из кухни и комнатки, занимавших всего четырнадцать квадратных метров. Полы настланы из кедровой доски, крышу взамен старой соломенной кровли покрыли гофрированным оцинкованным железом. Учился Ваня в школе с. Маргаритово. Интересны его воспоминания о давно минувшем времени, когда в село начали проникать ростки «новой социальной жизни»: в школе установили первый радиоприемник коллективного пользования, позволивший жителям села слышать радиопередачи из Хабаровска. «...Теперь это смешно. Приходили послушать, хотя и немногие, старушки. Услышав слова “Говорит Хабаровск!”, изумлялись, осеняли себя крестным знамением и со злом произносили: “Неправда, как это в ящике может быть Хабаровск!” А когда из “ящика” раздавалась музыка, то, по-видимому, им уже не помогало и крестное знамение. Бросав слова: “Нечистая сила!” – быстро оставляли помещение школы» (1, с. 2).

Трудиться Иван начал очень рано. В июне 1933 г. в село прибыл инспектор из Ольгинской